

Они любили тебя, Тедди, думает Гарри, укачивая его рукой за затылок. Так, черт возьми, сильно.

В результате несколько необычного поворота событий именно Петуния подает Гарри идею. Он вспомнил передачи, которые она смотрела по телевизору, когда он был младше, - причудливые цветовые схемы, яркие документальные фильмы, снятые в темноте. Они с Верноном кивали головами, когда этого требовали режиссеры, бросая друг на друга торжественные взгляды, когда полицейские предавали суду «всех этих преступников», бесчинствующих на улицах Британии. Гарри вспоминает, что однажды, вместо того чтобы мыть посуду, он подглядывал в телевизор, а в полицейском участке подозреваемый отказался отвечать на вопросы. «Без комментариев», - сказал он. Полицейские на экране продолжали выполнять свои обязанности, жалуясь в камеру. 'Ну, это то, что делают эти люди. Адвокаты говорят им, что это в их интересах, но...

В тот момент Гарри подумал, что раз «им» в итоге не предъявили обвинений, значит, этот прием действительно эффективен. Поэтому в следующий раз, когда Вернон, ухмыляясь, спросил его, понравилось ли ему время, проведенное с миссис Фигг, он просто ответил: «Без комментариев».

Большая, толстая рука обхватила его шею и швырнула Гарри в стену. В тот день он узнал две вещи: во-первых, что «без комментариев» - не всегда лучший ответ, и во-вторых, что правила, которые, казалось, сдерживают полицейских, не действуют в его семье.

В 1998 году май заканчивается так же, как и начался (в тумане), а июнь проходит спокойно, с розами, цветущими вокруг церкви в Оттери-Сент-Кэчпоул. Гарри - возможно, по глупости - вспоминает, что, когда они были детьми (в начале войны, до смерти Дамблдора, до... ну, в общем, до всего), Джинни говорила ему, что июнь - ее любимый месяц. Дни тянулись за ночами, небо было темным и голубым, но никогда не становилось по-настоящему черным; закрывая глаза, Гарри все еще видит ее лежащей на траве в Хогвартсе, прижавшейся головой к его груди, и наблюдающей за движением облаков над их головами. Их сумерки казались бесконечными, окрашенными в нежно-розовый и оранжевый цвета. Ненавижу, когда в июне у нас экзамены», - сказала она, ее дыхание щекотало кожу у выреза его рубашки. Ему нравилось, что она хочет хорошо сдать экзамены. Обычно это мой любимый месяц».

Гарри перевел взгляд на нее. Он всегда считал, что ее любимый месяц - это месяц ее дня рождения. Он не совсем понимал, почему. Правда?

Да, я не знаю, это просто что-то вроде надежды, не так ли? Начало лета», - сказала она с улыбкой. Джинни всегда была летней девочкой; он вспомнил, как солнце рассыпало веснушки на ее коже, как мы играли в квиддич до шестого курса. Тогда по тону ее голоса и быстрому взгляду, который она бросила на него, он понял, что ей немного неловко признаваться в этом, словно ее слова одновременно хотели и не хотели вырваться наружу. Я... Э... - вздохнула она. «Я немного боялась темноты, когда мне было лет пять?» - быстро проговорила она, откинув голову на его плечо и глядя в небо. Но в июне дни такие длинные, - добавила она, и Гарри снова услышал улыбку в ее голосе. Это было мое время блистать».

Его пальцы рассеянно рисовали узоры на коже ее руки. Ты всегда сияешь для меня, - сказал он, и она рассмеялась. Сейчас были другие времена.

Соппи, - усмехнулась она и украла быстрый поцелуй с его губ. Он попытался углубить поцелуй, его руки быстро нашли свое привычное место на ее бедрах - что-то в нем хотело знать, что она должна быть рядом, все время. Она отстранилась и провела рукой по его лицу. «Но это правда».

Он снова поцеловал ее, затем провел ладонями под измятой рубашкой ее школьной формы, пробираясь к застёжке лифчика. Его поразило, что всего несколько месяцев назад он только и мечтал о том, чтобы проводить ночи в мечтах, прикасаясь к ней, как будто это был единственный возможный способ получить ее. Реальность, как ему казалось, значительно превосходила вымысел.

Что?» - спросила она, на мгновение оторвавшись от него, когда он улыбнулся ей в губы.

Не знаю, - признался он, забавляясь. Просто трудно представить, что ты боишься темноты». Она улыбнулась. Ты ничего не боишься.

При этом она наклонила голову. Джинни Уизли было одиннадцать лет, когда она в одиночку попыталась побороть убийцу в своем мозгу. Для Гарри она всегда была такой храброй, словно воплощала в себе смысл самого слова (до того, как он познакомился с ней, он никогда не понимал, что оно значит). Она улыбнулась и прошептала ему на ухо, прежде чем поцеловать его. Если бы ты только знал, - пробормотала она, оказавшись так близко, что он почувствовал запах ее шампуня. Он вдохнул, закрыл глаза и подумал: да, июнь - самый лучший месяц из всех. Я всего боюсь, Поттер».

Год спустя в садах Оттери-Сент-Кэтчпоул снова цветут розы, а Гарри все еще держит ее на руках. Некоторые вещи в жизни никогда не меняются, размышляет он, хотя, конечно, все остальное изменилось. Они оба сражались на войне, которая никогда не должна была стать их войной, один из ее братьев погиб, и начало лета осталось без них, зажатых в ловушке борьбы за то, чтобы засунуть в глотку ту маленькую надежду, которая у них осталась. Когда Гарри ласкает кожу Джинни, лето 98-го года, она обнажена рядом с ним, они оба лежат в своей маленькой кровати-близнеце в «Бэрроу». Они стараются вести себя тихо (всегда, несмотря на наложенные ими Заклятие немоты), но у каждого из них есть своя сторона, теперь уже странная домашняя привычка, и после секса Гарри часто лежит, обхватив ее тело, так близко, что он никогда не уверен, где начинаются ее конечности и где заканчиваются его. Ее кровать придвинута к окну - по коже левой руки он чувствует, как набирается утренняя роса, когда ночная прохлада покидает воздух; она стекает по одинарному стеклу. Они вместе наблюдают за восходом солнца - раннее утро и молочное небо.